

— А среди послов сяньби — Моуци Люй.

Говоря это, голос Лю Юаня наконец наполнился легкой улыбкой. Это, пожалуй, была лучшая новость за последнее время.

— Верно. Получил задание по приему послов? Что ж, женившись на Лу Яньси, я не верю, что Моуци Люй будет хорошо относиться к Ань Цзинсину!

Говоря о Моуци Люе, настроение Ань Чэнцзи тоже улучшилось, и на его лице появилась едва заметная ухмылка.

За последнее время он слишком часто терпел поражения от Лу Яньси и Ань Цзинсина. Теперь, наконец, настал его час торжества!

— Новый правитель сяньби, только взойдя на престол, отправил Моуци Люя, что говорит о его доверии к семье Моуци. А отношения между семьей Моуци и кланом Лу — это наше уникальное преимущество...

Голос Лю Юаня был легким, на лице играла улыбка. Что касается Моуци Люя, он совсем не беспокоился. Не говоря уже о том, что Моуци Цзюнь был старшим сыном Моуци Люя. После того удара Лу Яньцзэ, он не только потерял лицо, но и остался калекой. Кто бы мог смириться с этим?

— Учитель, не беспокойтесь, я понимаю!

Ань Чэнцзи кивнул. Самое важное для иностранных послов — это союзы. И сейчас, если он сможет привлечь Моуци Люя на свою сторону, это станет еще одним козырем в его руках.

— Только вот с хунну...

Лю Юань провел рукой по лбу. Если с двумя другими странами были точки соприкосновения, то с хунну все было не так просто. Однако через мгновение он, кажется, что-то придумал.

— Ваше высочество, почему бы вам не попробовать наладить контакт с Муадо.

— Муадо? А не с Мукэча?

Ань Чэнцзи нахмурился. Ведь именно Мукэча был наследником престола. Почему Лю Юань предлагал ему связаться с Муадо? Даже если отношения между Муадо и Мукэча были хорошими, окончательное решение все равно принимал Мукэча...

— Ваше высочество можете попробовать прощупать почву.

В отличие от Ань Чэнцзи, Лю Юань никогда не верил в искренние чувства в королевских семьях. В больших семьях и так хватает грязных дел, что уж говорить о правящем доме?

— Учитель, что вы имеете в виду?

Ань Чэнцзи не совсем понимал, что Лю Юань имел в виду под «прощупать почву», но в то же время, казалось, уже догадывался.

— Муадо и Мукэча оба очень любимы народом хунну. Ваше высочество можете попробовать узнать... истинные намерения Муадо.

Голос Лю Юаня звучал с намеком, который можно было понять, но не выразить словами. И Ань Чэнцзи, казалось, понял.

Если способности Муадо и Мукэча были примерно равны, а происхождение одинаково, то почему Муадо должен довольствоваться вторым местом? С этими мыслями Ань Чэнцзи вздрогнул, посмотрел на Лю Юаня и, получив от него подтверждение, постепенно принял решение.

*

О замыслах Лю Юаня и Ань Чэнцзи те, кто стал их мишенью, даже не подозревали. Ань Цзинсин стоял у городских ворот, глядя на Моуци Люя, с мягким выражением лица, не показывая ни малейшего признака беспокойства.

— Давно слышал о вашем высочестве, наследном принце, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Моуци Люй, глядя на Ань Цзинсина, интуитивно почувствовал, что этот «слабый» наследный принц Сиюаня сильно отличался от слухов, но это не изменило его неприязни к нему.

— Генерал Моуци, вы слишком любезны.

Ань Цзинсин мягко улыбнулся, словно не замечая сарказма в голосе Моуци Люя. Его лицо выражало почтительность, как будто он действительно смутился от похвалы.

Услышав это, Моуци Люй чуть не упал с лошади: кто, черт возьми, тебя хвалил?

Но, учитывая, что по обеим сторонам дороги стояли горожане, и он находился на чужой территории, Моуци Люй сдержал гнев и с деланной улыбкой спросил:

— А где же супруга наследного принца?

Еще до прибытия в столицу он знал, что Ань Цзинсин женился на мужчине. Само по себе это его не касалось, но Моуци Люй радовался тому, что этим мужчиной был сын Лу Юаня. Сам он двадцать лет находился в тени Лу Юаня, а его сын оказался ниже сына Лу Юаня. Теперь, когда он наконец встретил несчастного представителя клана Лу, как он мог не радоваться?

Но теперь, увидев Ань Цзинсина и не увидев Лу Яньси, какой смысл был в его спешке?

Ань Цзинсин заранее ожидал такого вопроса, и его выражение стало еще мягче:

— Генерал Моуци, вы впервые в Сиюане?

— Ты, черт возьми, говоришь очевидные вещи!

Во времена его отца они действительно бывали в Сиюане, захватывая города силой. Но с тех пор, как возвысился клан Лу, семья Моуци не смогла захватить ни одного города Сиюаня. Поэтому слова Ань Цзинсина звучали для Моуци Люя как провокация.

— Настоящий позор для просвещенных людей!

На балконе одного из зданий, откуда наблюдали за происходящим, студент с книгой в руках нахмурился, не соглашаясь с только что сказанным Моуци Люем.

Для генерала, привыкшего к грубостям, пара резких слов не была чем-то ужасным. На поле боя ругань была куда хуже. Но проблема заключалась в том, что Моуци Люй произнес эти слова перед элегантным и спокойным Ань Цзинсином.

На фоне безупречного поведения Ань Цзинсина Моуци Люй выглядел особенно грубым.

И действительно, слова студента нашли отклик у большинства зрителей на балконе, и все начали говорить: «Как это возможно?», «Недостойно» и тому подобное.

Ань Цзинсин же оставался невозмутимым и даже великодушно кивнул:

— Неудивительно.

— Говори прямо, черт побери!

Моуци Люй ненавидел эту чопорную манеру поведения. Теперь, глядя на Ань Цзинсина, он почувствовал растущее раздражение. Его искаженное злобой лицо особенно выделялось на фоне спокойствия Ань Цзинсина.

— В Сиюане спрашивать о чужой супруге без причины считается крайне неприличным. Если бы генерал не был здесь впервые, я бы подумал, что вы интересуетесь моей женой.

Ань Цзинсин покачал головой, сохраняя величественное спокойствие, словно говорил: «Незнание — не порок. Раз уж вы здесь впервые, я прощаю вашу бестактность».

— Ты, черт возьми...

Моуци Люй, услышав это, закипел от ярости. Разве он мог интересоваться кем-то из клана Лу? Он уже собирался схватить Ань Цзинсина за воротник и заставить его объясниться, когда его прервал громкий смех:

— Ха-ха-ха, да, генерал Моуци, что это вы тут спрашиваете о чужой жене? Неужели интересуетесь гаремом наследного принца?

Вслед за этим смехом раздался топот копыт. Из-за городских ворот на полном скаку выехала женщина с яркой внешностью и соблазнительной фигурой. Ее прекрасное лицо и открытая кожа заставили мужчин в толпе покраснеть.

Такой дерзкий и прямолинейный стиль мог принадлежать только одной женщине — старшей принцессе тюрков, Ашина Сьюнь.

Как старшая принцесса тюрков, она с детства росла в атмосфере обожания, что сделало ее своенравной. Благодаря тому, что она с детства держалась в седле, она была искусной наездницей и не боялась говорить прямо. К тому же, действующий каган и наследник престола относились к ней с большой снисходительностью, что сделало ее характер еще более дерзким.

В отличие от яркости Лу Яньси, внешность Ашина Сьюнь была более женственной, что сразу выдавало в ней дерзкую и своенравную женщину, но при этом заставляло людей невольно обращать на нее внимание.

— Кажется, твой брат перенял мой стиль.

С другой стороны, Лу Яньси, наблюдая за происходящим вместе с Ань Цзинцином, с улыбкой заметил, что не мог поверить, что такие дерзкие слова вышли из уст Ань Цзинсина.

— Все благодаря наставлениям невестки!

Ань Цзинцин, услышав это, тут же сладко улыбнулась. Она видела, как изменился ее брат, и полностью соглашалась с Лу Яньси. Но все это было заслугой его супруги!

— Умеешь же ты говорить приятное!

Лу Яньси, услышав это, улыбнулся и погладил Ань Цзинцин по голове. Глядя на женщину, размахивающую кнутом на лошади, он задумчиво устремил взгляд вдаль, словно размышляя о чем-то.

После слов Ашина Сяюнь, даже если Моуци Люй хотел что-то сказать, он мог только замолчать. Тем более, что горожане по обеим сторонам дороги уже начали обсуждать его, и все их слова были не в его пользу.

<http://bllate.org/book/16474/1496332>